

Тупик – попугай-ныряльщик

Юрий Краснов

Нет, тупик, конечно, не попугай. Попугай-ныряльщик — это дословный перевод названия птицы с немецкого. Англичане называют его puffin — «толстячок». С попугаями этот типичный обитатель моря никаких родственных связей не имеет. Разве что отдаленное внешнее сходство, и то при развитом воображении.

Тупик в самом деле замечательный ныряльщик. У южных берегов Баренцева моря он с легкостью ловит рыбу на глубине 40–60 м, а в некоторых случаях «залетает» на сотню метров. Почему «залетает»? Да потому, что его передвижение под водой напоминает своеобразный полет. Птица периодически взмахивает полусогнутыми крыльями, совершая в морской толще виртуозные виражи. В этом ей помогает небольшая площадь крыла, хорошо приспособленная к такому подводному «полету». Но эти преимущества разом исчезают на поверхности. В воздухе он способен разогнаться до 70 км/ч, но возможности маневрирования при этом сильно ограничены. Даже взлететь с воды — уже непростая задача. Узкие и достаточно короткие крылья не позволяют тупику сразу оторваться от поверхности и быстро набрать высоту. При отсутствии

волнения он долго бежит по поверхности моря, хлопая крыльями и перебирая лапами, и напоминает за пущен-

ный детьми «блинчик». При посадке он буквально шлепается на воду, поднимая фонтан брызг. В полете его профиль сильно отличается от профиля других морских птиц из-за формы клюва: он кажется тупым. Не отсюда ли русское название?

В ареал обитания этой птицы входят берега северо-запада Европы, Арктики и северо-восточная часть Северной Америки. Тупик — птица колониальная, но не слишком заметная. Другие колониальные пернатые, открыто заселяющие птичьи базары, постоянно на виду: ссорятся, оглашая окрестности криками, и нередко дерутся с соседями. За постоянный гомон и скандалы такие колонии, собственно, птичьими базарами и прозвали. Но для их обитателей в таком образе жизни и заключается вся прелесть. Для успешного размножения им постоянно надо видеть и слышать своих соплеменников или, на самый крайний случай, других морских птиц. Причем чем больше сородичей, чем плотнее они гнездятся (а где теснота, там и скандалы), тем комфортнее для них условия размножения. Тупики же, напротив, молчаливы и гнезда свои устраивают в укрытиях. Драки между ними исключительно редки. На островах в северных районах Атлантики они роют норы в слое торфа, чаще всего — друг рядом с другом.

Нередко в старых колониях, существующих более ста лет, весь торфяной слой изрыт перекрещивающимися ходами. Передвигаясь по таким местам, человек постоянно рискует провалиться в нору. Обнаружив привлекательный свободный участок, пара приступает к строительству гнезда. С собой у тупика весь необходимый набор «инструментов»: клюв и перепончатые лапы с изогну-

тыми острыми когтями. В брачный период они сразу бросаются в глаза наблюдателю своей яркой окраской. Клюв широкий и плоский с боков, словно топорик, красно-серо-белой окраски, испещрен поперечными бороздками. По их количеству можно определить возраст особи. Клювом тупик рыхлит торф, а желтые кожистые «нашлепки» в его основании в это время защищают от торфяной крошки приоткрытую пасть. Алыми лапами, вооруженными кривыми когтями, птица выбрасывает из норы грунт, словно лопатами, строя новую или приводя в порядок старую, обветшавшую за зиму нору.

Наблюдая за жизнью этих «гномов северных островов», люди часто воспринимают их как вполне милую и оригинальную птицу-игрушку и теряют бдительность. В период их отлова и кольцевания для научных целей такое заблуждение может привести к травме. Кривой коготь насквозь пробьет мышцу ладони, клюв, словно пассатижи, пережмет пальцы, и все это будет сопровождаться резкими попытками мощного и компактного тела птицы вырваться из рук. Так что, освобождая тупика, запутавшегося в сетке, приходится соблюдать осторожность и не поддаваться на провокационные просьбы сторонних наблюдателей дать им подержать милую птичку в руках. Особо настойчивым в этих случаях предлагалось пари на бутылку коньяка. Чтобы выиграть его, требовался суший пустяк: без потерь для собственного здоровья продержат тупика одну минуту в голых руках. Такие условия заставляли романтиков задуматься, и желание испытать характер птицы на себе быстро исчезало.

Крупные колонии тупиков летом покрыты буйным ковром орнитофильной (выдерживающей скопление птиц) растительности, среди которой вход в нору заметить иногда непросто. Но шаги человека сотрясают слой почвы, и вот тогда из глубины нор можно услышать протяжный низкий стон, служащий намеком невнимательному человеку: не стоит топтаться на крыше моего дома. А само жилище достаточно аскетично. Гнездовая камера в норе голая, на слое торфяной крошки находится единственное округлое яйцо белесого цвета. Если сам тупик весит от 400 до 600 граммов, то 60-граммовое яйцо можно считать крупным. Но для того чтобы самка его отложила, ей надо создать пару, и эту задачу птицы решают в «клубах». Это может быть лишенный всякой растительности участок колонии, край скалы или вершина крупного плоского камня. Туда птицы прилетают других посмотреть и себя показать. Здесь в перерывах между брачными позами они знакомятся и укрепляют личные связи. В гнездовой период в «клубах» постоянно топчутся холостые птицы и солидные семьянины с большим гнездовым опытом.

В глубине подземелий после 35–40 дней насиживания появляются покрытые густым и длинным темным пухом птенцы. Такой пуховый наряд защищает их от переохлаждения, ведь температура в гнездовой камере не превышает +7–9 °С. Птенцы в течение всего периода вскармливания избегают освещенных участков норы и выхода из нее. Но стоит только прилетевшей взрослой птице закрыть вход в гнездо своим телом, птенец спешит к ней за очередной порцией корма. Около полутора месяцев он набирает вес в сумраке норы. К концу этого периода его начинает привлекать светлое пятно выхода. В вечерние часы последних дней северного лета, когда тихая

морская гладь выглядит как сверкающее зеркало, подросший до размеров взрослой птицы птенец выбирается из норы и отправляется в свое первое самостоятельное путешествие. Его ждут просторы Северной Атлантики, и на сушу он вернется не скоро, через три-четыре года.

Для многих видов закрыто гнездящихся птиц характерны своеобразные круговые полеты — «карусели». Обычны они и у тупиков. Птицы компенсируют ими нехватку социального общения при гнездовании в норах. Периодически они взлетают с «клуба» или из колонии и раз за разом начинают описывать круги в ее окрестностях. В 70-х гг. прошлого века существовало мнение, что в «каруселях» птицы обмениваются информацией о размещении в море кормных мест. Специалисты предполагали, что во время кругового полета они видят, в какую сторону направляются вереницы других морских птиц, и могут следовать за ними в поисках скоплений рыбы. Сегодня считается, что у «карусели» много разных функций. Ее видно издалека, и пополне-

ние из готовых к размножению тупиков может узнать, где находится уже обжитая колония. И, главное, в ходе таких полетов птицы реализуют необходимую им для нормального и синхронизированного размножения социальную активность. При этом в «каруселях» тупики менее уязвимы для пернатых хищников, например крупных видов чаек. Впрочем, чайки при случае своего не упустят. При приземлении или выходе из норы тупики нередко попадают в их мощный клюв. Полтораметровый размах крыльев позволяет им сразу же оттащить жертву в укромное место и спокойно там пообедать. Когда-то этих чаек в нашей стране считали главными врагами тупиков. А в Исландии и на Фарерских о-вах местное население само рассматривало тупиков как деликатес. Но времена меняются: сегодня угрозы морским птицам уже иные.

Основная пища тупиков — стайная пелагическая рыба небольших размеров. В Норвежском море тупики Лофотенских о-вов напрямую зависят от величины стад молоди атлантической сельди, а у побережья Мурманска — от молоди сельди, мойвы и мелкой прибрежной рыбки песчанки. Есть рыба — процветают колонии тупиков, а если «голодные» годы следуют один за другим, их птенцы гибнут от бескормицы и популяция сокращается. Казалось бы, рыбы в море так много, что этим птицам ничего не угрожает. Но, увы, в 70-е гг. XX в., например, деятельность рыболовных флотов на несколько лет привела к полному исчезновению молоди сельди, затем наступила очередь мойвы... Тупики, конечно, все еще существуют, но крупных поселений из нескольких тысяч размножающихся пар здесь уже не увидеть. Оптимальный баланс между интересами рыбодобывающих флотов и морских птиц пока не достигнут. Но мы все же надеемся, что тупики — украшение морских островов Атлантического океана — непременно переживут неблагоприятные времена. 🏠

